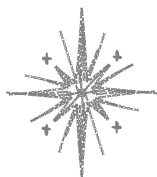

> МАГИСТРАЛЪ >

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Сеансы
одновременного
чтения

Москва

УДК 821.163.41-31(497.11)
ББК 84(Сер)-44
П30

Copyright © 2024, Vera Bogosavljević Petrović + Published by
agreement with Laguna, Serbia

Перевод с сербского языка *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Петрович, Горан.

П30 Сеансы одновременного чтения / Горан Петрович ; [перевод с сербского Л. А. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-211159-4

Горан Петрович – знаковый сербский писатель, чье творчество пронизано магическим реализмом.

До встречи с заказчиком Адам Лозанич считал себя единственным человеком, способным видеть в книгах других читателей. Все меняется, когда он попадает в роман неизвестного писателя. В романе нет ни одного героя. Только прекрасный сад, двухэтажная вилла и несколько читателей, ушедших из реальности в книжный мир. Местные встречают Адама прохладно. Они связаны тайной автора романа, а чужак вносит правки по указке двух выскочек, желающих их выселить из книги.

Адаму нужно быть осторожнее. В книжном мире неизвестного писателя можно не только встретить любовь всей своей жизни, но и умереть. Причем и в реальности.

УДК 821.163.41-31(497.11)
ББК 84(4Сер)-44

© Савельева Л. А., перевод
на русский, 2025

© Издание на русском языке.
Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211159-4

ПОДХОД

*В котором говорится
о печальном стебельке полыни,
одной загадочной работе,
одном загадочном писателе
и сафьяновом переплете,
о высоте наших гор,
нежном аромате, исходящем от девушки
в шляпке колоколом,
о мрачном аквариуме,
пористых стенах
и о том, может ли образоваться
плесень в банке
с абрикосовым джемом,
открытой в понедельник.*

1

Фраза была на сербском. Как, впрочем, и следующая. Ручной набор. Напечатано кириллицей. Между строк проглядывал отпечаток с оборотной стороны листа. Бумага, изначально совершенно белая, в некоторых местах под действием неумолимого времени пожелтела.

Ожидая, пока молодой человек рассмотрит титульную страницу книги, загадочный человек делал вид, что разглядывает кабинет, эту давно не беленую комнатенку в самом конце сужающегося коридора. В кабинете, точнее комнате общего назначения, по размерам довольно тесной, находился обшарпанный шкаф для архивных документов с неоднократно выламывавшимся замком, стоячая вешалка, два расшатанных стула, письменный стол и горшок с грустным стеблем полыни. Письменный стол был небольшим, с облезшим лаком и изрезанными краями, на нем едва умещалось шесть довоенных томов словаря Матицы сербской, послевоенный орфографический словарь и грудa свежеотпечатанных газетных текстов за эту неделю.

Свет в комнатенке был совсем слабый, вид из окна почти полностью заслоняли безобразные плечи соседнего административного здания, поэтому, чтобы увидеть румяный краешек солнца, нужно было ждать полудня, который никогда не длился здесь более четверти часа, и то при условии, что небо не затянуто облаками — как

сейчас, в конце ноября. Видимо, из-за этого молодой человек сидел скрючившись, уткнувшись лицом в раскрытую книгу. Прочитав первую страницу, он осторожно перевернул ее, но лишь быстро пробежался взглядом по строчкам, чтобы затем закрыть книгу и начать внимательно изучать переплет из сафьяна холодного красного цвета, безусловно, слишком изысканный по нынешним временам.

— Итак? — сказал человек, причем ни одна черта на его лице не изменилась настолько, чтобы стать достойной его описания.

— Итак?! — задумчиво произнес молодой человек, который хотя и догадывался, чего от него сейчас требуют, пытался тем не менее выиграть несколько лишних мгновений для раздумий.

— Итак, решайте, согласны вы или нет! — едва заметно нахмурился человек.

— Я не уверен... — начал Адам Лозанич, студент последнего курса филологического факультета, писавший сейчас дипломную работу на отделении сербского языка и литературы и одновременно трудившийся корректором по договору в журнале о туризме и природе под названием «Наши достопримечательности». — Я не знаю, что вам сказать, ведь это уже не рукопись, а книга.

— Разумеется, не рукопись, но важно только, чтобы вы соблюдали мои условия. А именно, не оставлять никаких записей или других письменных следов нигде, кроме как на предмете вашей работы. Подразумевается полная конфиденциальность. Если вы считаете, что гонорар недостаточно высок, я готов предложить вам... — Тут человек доверительно нагнулся к его уху.

Адама поразила даже та сумма, которая была названа вначале. Теперь она оказалась удвоенной, и он мог бы

безбедно прожить на нее пять-шесть месяцев, не беспокоясь о плате за жилье, завершить наконец-то дипломную работу и окончить университет. Вместе с гонораром от журнала «Наши достопримечательности» как раз хватило бы на то, чтобы справиться с безденежьем.

— Это великодушно. Но ведь такого рода работа имеет смысл только в случае, если... как бы это поточнее выразиться... если ее совершают на этапе рукописи. Однако книга уже напечатана, дело сделано, и теперь корректурой или правкой ничего не исправишь. Кроме того, я просто не представляю, что сказал бы на все это автор, этот самый... — продолжал колебаться молодой человек, снова раскрывая сафьяновый переплет, под которым на титульном листе внутри было крупными буквами напечатано «МОЕ НАСЛЕДИЕ», а ниже, мелким шрифтом: «Написал и издал за собственный счет г-н Анастас С. Браница, литератор».

— Я уверен, что он не будет иметь ничего против, его нет в живых уже добрых пятьдесят лет, — несколько натянуто усмехнулся человек. — Хочу подчеркнуть, родственников у него тоже нет. Но даже если бы они и были, данный экземпляр является частной собственностью, и я считаю, что с полным правом могу внести в него какие угодно исправления. Например, могу, если мне захочется, подчеркивать, писать на полях, могу, в конце концов, даже вырывать целые страницы, если они мне не нравятся. Собственно говоря, я хочу, чтобы вы просто произвели небольшие изменения в соответствии с моими пометками и рекомендациями моей супруги. Ваш главный редактор сказал, что вы очень старательны. Я ведь тоже близок к вашей профессии и считаю, что это лучшая рекомендация для человека, занимающегося нашим ремеслом...

Адам Лозанич положил обе ладони на переплет книги. За все то время, которое он потратил на подготовку к экзаменам, когда ему приходилось решать, какие именно книги из длинных списков рекомендованной литературы читать в первую очередь, у него сложилось впечатление, что таким способом можно почувствовать токи, которые исходят от того или иного текста. И теперь, прежде чем взяться за чтение, он всегда практиковал это безобидное суеверие. Несмотря на холодный переплет из кожи под названием сафьян, книга была теплой, несомненно живой, ее тайный пульс внятно бился под пальцами молодого человека. Словно совсем недавно написанная, она не отличалась от только что законченных рукописей, еще жарких от лихорадочных тревог и надежд их авторов. Возможно, именно эта теплота и подтолкнула Адама.

— Хорошо, я попробую, — сказал он. — Не хотелось бы брать на себя обязательств относительно окончания работы, объем довольно большой, кроме того, за это время правила правописания неоднократно менялись, пунктуация здесь совершенно невообразимая, вы и сами, должно быть, заметили точку после названия, а самый изменчивый компонент — конечно же, лексика... В сущности, я не вполне понял, где именно требуется мое вмешательство.

— Когда вы сможете начать? — не ответив на вопрос, спросил загадочный человек.

— Завтра с утра, к сегодняшнему вечеру я слишком устану, газетные тексты печатают очень мелким шрифтом, и при этом в них полно ошибок. Буквы так и мельтешат у меня перед глазами, даже когда зажмурюсь. А завтра я мог бы начать прямо с утра... — говорил и говорил молодой человек, он был гораздо многослов-

нее, чем того требовала ситуация, словно хотел уйти от вопроса, на что ему, собственно, решиться.

— Тогда ровно в девять. И не опаздывайте. Если я не смогу прийти, вас будет ждать моя супруга, — вставая, проговорил работодатель и вышел из комнаты.

Адам Лозанич остался сидеть, уставившись на календарь, криво прибитый к внутренней стороне только что захлопнувшейся двери. Передвижной квадратик обрамлял как раз 20 ноября, понедельник. Вас будет ждать моя супруга?! А где?! И что все это вообще может значить?! А что, если загадочный человек узнал его тайну? Он обмер. Хорошо, пусть так, но ведь он был уверен, что никогда никому о ней не рассказывал. Уже около года ему иногда начинало казаться, что во время чтения он встречает других читателей. Раз за разом во время таких нечастых встреч перед ним все более и более ясно проступали черты этих других, в большинстве своем незнакомых ему людей, которые одновременно с ним читали одну и ту же книгу. Некоторые детали он помнил так хорошо, словно их действительно прочувствовал. Прочувствовал всеми своими органами чувств. Разумеется, он никогда никому об этом не говорил. Его бы сочли ненормальным. Или в лучшем случае человеком со странностями. По правде сказать, когда он начинал серьезно размышлять о столь странных вещах, он и сам приходил к выводу, что его личность опасно балансирует на грани здравого рассудка. Или же все это лишь грезилось ему от избытка прочитанных книг и дефицита реальной жизни?!

А поскольку раздумывал он о чтении, то в голову ему пришло, что пора бы уже заняться тем, что пока еще обеспечивало ему кусок хлеба. Новые тексты ждали на столе, он очинил карандаш и принялся за дело, изредка

заглядывая в орфографический словарь или открывая то тот, то другой том словаря сербского языка. Статей перед ним была целая гора, но работу ему облегчал сам главный редактор, требуя, чтобы он обращал внимание исключительно на корректорскую сторону дела. Более того, ему запрещалось даже думать о том, чтобы менять слова, их порядок, и вообще касаться содержательной части.

— Лозанич, имейте в виду, не занимайтесь напрасным трудом, не выходите за рамки вашей компетенции! — именно так, строго, несколько раз повторил редактор, не стесняясь при этом прямо перед ним стряхивать перхоть с воротника и плеч своего темно-синего двубортного пиджака.

— Простите, господин главный редактор, но здесь вкралась чисто техническая ошибка: как я могу пропустить, что высота горного хребта Копаоник составляет почти две тысячи пятьсот метров, в то время как официально признанным фактом, и я проверил это по картам, является то, что Пик Панчица возвышается над уровнем моря лишь на две тысячи семнадцать метров, — не выдержал однажды юный сотрудник.

— Почти?! А это слово «почти» для вас что-нибудь значит?! Короткое слово, но оно-то и покрывает эту разницу. И где вы видите ошибку? Лозанич, вы филолог-сербист, филолог, правда, не очень квалифицированный, но вы никак не географ. Подвижки земной коры происходят постоянно. Да и вообще, есть у вас хоть капля национальной гордости?! Не хотите же вы, надеюсь, сказать, что нужно округлить до двух тысяч метров?! Вам что, жалко? Да если бы это зависело только от меня, я бы вообще написал три тысячи! Идите и больше не возникайте со своей обывательской мелкотравчатостью

и жалким малодушием. — При этих словах главный редактор даже оставил в покое перхоть на своем воротнике и раздраженно махнул рукой в сторону двери.

«Наши достопримечательности» выходили два раза в месяц. Обязанностью Адама Лозанича было по понедельникам приходить в редакцию и просматривать статьи, присланные постоянными корреспондентами со всех существующих и несуществующих концов страны. Так что полученный сегодня заказ был удачей, к тому же в его распоряжении есть целая неделя, чтобы выполнить самую высокооплачиваемую работу за всю его карьеру корректора и редактора. И возможно, именно поэтому молодой человек не удержался и исправил часть вступительной статьи праздничного номера, где с большим размахом расписывались богатейшие возможности отечественной охоты. Он вычеркнул из текста «северного оленя», приписав на полях: «Неверно. Как известно, у нас это полярное животное не водится».

2

Около трех часов, закончив последнюю статью, что-то насчет корпоративного туризма, молодой человек натянул куртку и упаковал книги в спортивную сумку. В редакции журнала не было ни орфографического, ни толкового словаря, так необходимых каждому редактору. Внимательный даже к малейшим отступлениям от нормы, Адам был вынужден постоянно таскать все эти килограммы на себе, поскольку во второй половине дня его «помещение общего назначения» использовали уборщицы, а по ночам здесь дремал старик-сторож.

Свод ноябрьского неба стусил свой цвет до чернильного черно-синего, грозившего началом дождя.

Шагая по площади Теразие в направлении крошечной квартирки, которую он снимал на мансардном этаже в нижней части крутой Балканской улицы, он вспомнил загадочного человека и, резко изменив планы, втиснулся в битком набитый автобус с тем, чтобы попасть к Национальной библиотеке. Адам решил посмотреть там, кто же этот господин Анастас С. Браница, автор настолько ценной книги, что владелец переплел ее в драгоценную сафьяновую кожу. Там, в Национальной, работал его приятель Стеван Кусмук, большой умница, который, в срок закончив университет и не привыкнув сидеть без дела, согласился поработать на общественных началах в главном читальном зале. К счастью, читателей в тот день было немного, и друг имел возможность подключиться к почти двухчасовым поискам в каталогах, библиографических и энциклопедических словарях и справочниках. Никакого Браницы нигде не было.

— А ты уверен, что его зовут именно так? Странно, если он когда-нибудь хоть что-либо опубликовал, то где-нибудь здесь это должно быть зафиксировано... — уже позже, в библиотечном буфете, морщил лоб Кусмук, не терпевший недоразумений такого рода. На факультете он был известен тем, что в курсовых и семинарских работах приводил такое огромное количество ссылок, что их объем зачастую превышал сам текст.

— Да, то есть, вероятно, значит, придется мне проверить... — ответил Адам, не хотевший раскрывать причину своего интереса, и, уже собравшись уходить, вдруг заметил хорошенькую девушку в шляпке колоколом, которая из читального зала направлялась прямо к ним в буфет, должно быть для того, чтобы, как и они, взбодриться чашкой кофе или чая.

— Скажи-ка, а какие книги она взяла? — спросил он Стевана, взглядом продолжая следить за девушкой и нисколько не сомневаясь, что друг запомнил это, разумеется, если девушка именно ему отдавала требование с вписанными в него книгами, которые следовало принести из хранения.

— «Энциклопедический английско-сербско-хорватский словарь» Светомира Ристича, Живоина Симича и Владете Поповича, первый том, от «А» до «М» включительно, репринтное издание издательства «Просвета», Белград, 1974 год, — с готовностью продекламировал приятель, у него действительно была прекрасная память.

Несколько мгновений Адам Лозанич раздумывал, подождать ли ее или самому пойти в главный зал, заказать ту же книгу и там подстеречь ее возвращение. Он надеялся, что сегодняшний день — как раз один из тех, когда ему удастся настолько глубоко проникнуть в текст, что он начинает различать там и других читателей. Так, в конце седьмого семестра у него начался многообещающий роман с одной сокурсницей, самой красивой девушкой с кафедры истории литературы, но когда он попытался завязать разговор с ней в реальности, она попросту повернулась к нему спиной.

— Вы любите прогулки вдоль реки? — не сдавался он, надеясь, что она вспомнит их одновременное чтение рассказа, в котором реалистически и подробно описывался берег реки, где они не далее как вчера провели несколько послеполуденных часов.

— Люблю, но только если ты прогуливаешься вдоль противоположного берега, — иронично заметила она так громко, что это услышал не только он.

Всю следующую неделю Адам не решался проходить через фойе, где происходил этот разговор, ему казалось,